
Ричард
Пайпс
старый
режимъ
CoRpvS
Потрясающая история, напоминающая
то ли Достоевского, то ли Конрада...
Выдающаяся работа.
THE WALL STREET JOURNAL
Избранные работы
по русской истории

Ричард Эдгар Пайпс

Старый режим. Избранные работы по русской истории

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74734976
Старый режим. Избранные работы по русской истории / Ричард Пайпс: АСТ: CORPUS; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-178599-4

Аннотация

Ричард Пайпс (1923-2018) – профессор русской истории Гарвардского университета, один из ведущих специалистов в этой области. Он широко известен как автор трудов, развивающих взгляд на Россию как на патримониальное общество, где система собственности привела к формированию особой национальной культуры. Как полагает автор, базовые ценности этой культуры коренным образом отличаются от ценностей западной цивилизации. Настоящий сборник включает несколько очерков, детализирующих авторскую теорию и охватывающих широкий временной диапазон: от российского быта XVI столетия до субкультуры революционного подполья XIX – начала XX веков.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

предисловие 5
Знакомство с русскими: заметки иностранных путешественников о русском национальном характере 12
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ричард Пайпс
Старый режим. Избранные работы по русской истории

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Richard Pipes, 1974, 2003, 2010, 2013, 2014
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО “Издательство Аст”, 2026
Издательство CORPUS ®

предисловие

Как-то в середине 2000-х, когда профессор Пайпс довольно часто приезжал в Россию, мы разговорились о его книгах. “Какую вы считаете самой важной для себя?” – поинтересовался я. В ответ историк указал мне на некорректность поставленного вопроса. “Книги для меня как дети, – продолжил он. – И каждое такое дитя дорого по-своему”. Вместе с тем именитый собеседник признался, что тайная любовь все же есть. К моему удивлению, ею оказалась вовсе не “Россия при старом режиме” – хит 1974 года, принесший Ричарду Пайпсу славу искушенного русиста; это была двухтомная биография Петра Струве[1], знаменитого консервативного либерала (или, если угодно, либерального консерватора) начала прошлого века, изобретателя концепта “либеральная империя”, позже, кстати, творчески переработанного Анатолием Чубайсом, но в сгущавшейся атмосфере 2010-х так и не прижившегося. Кстати, хотелось бы порекомендовать это великолепное исследование тем, кто по привычке продолжает причислять гарвардского профессора к загадочному племени “русофобов”, – в этой работе нет ни грана ненависти или презрения к России. (Забегая вперед, добавлю: равно как и в публикуемой ниже подборке трудов.)

---

[1] Пайпс Р. *Струве: левый либерал,* 1870–1905. М., 2001; Он же. *Струве: правый либерал,* 1905–1944. М., 2001.

Стоит упомянуть и еще один удививший меня эпизод той давней беседы. Мы коснулись “Дела Дегаева” – работы Пайпса, опубликованной незадолго до нашей встречи; мне тогда подумалось, что сюжет, в центре которого – тайная полиция, деятельно и энергично руководящая революционным движением, развернут автором более чем впечатляюще. Как оказалось, таким было не только мое мнение; Пайпс рассказал, что историей народовольца-оборотня, одновременно обслуживавшего и бомбистов, и охранку, а позже ставшего профессором математики в американском университете, заинтересовалась одна из голливудских киностудий. Переговоры почему-то заглохли, а фильм так и не был снят, но сейчас кажется, что картина получилась бы отменная: дегаевская история не только впечатляюще баснословна, но и пугающе актуальна – причем в цифровую эпоху с ее виртуальными троллями и дигитальными самозванцами вдвойне или даже втройне.

Примерно то же самое можно сказать и о других эссе, вошедших в настоящий сборник. Как показывает автор в первом из них, восприятие нашей страны и ее обитателей иностранцами во многих своих аспектах не слишком изменилось в сравнении с тем, как виделась Россия в эпохи Адама Олеария или мадам де Сталь. Размышляя об этом, можно, наверное, добавить: проблема здесь не только в том, что всякое “государство-цивилизация” по природе своей тяготеет к субстанциальной статичности – его партнеры, как вы-

ясняется, тоже ведь бывают не слишком пластичны в своих установках и убеждениях. Неудивительно, что в межкультурном диалоге, основанном на подобных вводных, с тоскливым постоянством – на протяжении столетий! – воспроизводится одно и то же. Но незыблемости аберраций, рождающихся из взаимосозерцания вечных недругов, способствуют и некоторые другие исторические обстоятельства, к пониманию которых автор подводит читателя в эссе, посвященном Жалованной грамоте 1785 года. Поскольку, как доказывается в этом тексте, русское дворянство после скандальной истории с "верховниками" фактически переуступило свои прерогативы, касающиеся государственного управления, царской короне, последняя по меньшей мере до Великих реформ превратилась в безраздельно доминирующего актора отечественной политической сцены. В итоге, если в конструировании западного отношения к России в Новое время на равных соучаствовали как власть, так и общество, то российское отношение к Западу в одиночестве выстраивал лишь всемогущий игрок-монополист. Сказанное, впрочем, не означает, что внешнеполитические установки престола всегда оказывались жестко антизападными: став при Петре Великом полноценной европейской державой, официозная Россия просто не могла стряхнуть с себя европейский антураж с такой же бесшабашной легкостью, какую предстояло увидеть иным временам, а ее правительство, согласно крылатой пушкинской фразе, оставалось в империи "един-

ственным европейцем". Более того, разрыв с Европой вообще не входил в намерения царской администрации: в конце концов, не в Китай же ей было подаваться.

Публикуемое ниже жизнеописание Сергея Уварова, создателя пресловутой триады, волнующей чиновные сердца и в XXI веке, позволяет немного по-новому взглянуть на русское антизападничество. Дело в том, что даже в мрачную николаевскую эпоху, которую маркиз де Кюстин и Александр Герцен с двух сторон и в четыре руки бичевали как ретроградную, убогую и мертвящую, Российская империя считала себя наследницей европейской – и, заметим, никакой иной! – культурной традиции, пусть даже позабытой и преданной, как считали некоторые в Петербурге, самими европейцами. Но Уваров, надеявшийся зацементировать государство посредством придуманной им магической формулы, одновременно оставался, как выясняется, одним из самых утонченных и образованных русских европейцев. (Кстати, он был не одинок в этом: таким же обожателем Европы предстает перед современным читателем и Николай Карамзин, автор "Писем русского путешественника".) Это наблюдение, в свою очередь, подталкивает к переоценке кажущейся незыблемости базисных постулатов русского консерватизма. Нарочито игнорируемый сегодня казус Уварова, как и другие столь же необычные мировоззренческие констелляции, прекрасно вписывается в известные рассуждения Достоевского о пресловутой "широте" русского человека. В представляе-

мом здесь миниатюрном собрании сочинений эта "широта" демонстрируется еще одним жизнеописанием – биографией Льва Тихомирова, народовольца и черносотенца, жизненная парабола которого выглядит причудливой даже по отечественным меркам. Похоже, в Россию Новое время принесло с собой, перефразируя Зигмунта Баумана, необычайную "мировоззренческую текучесть", сделав вопрос о "перерождении убеждений", причем самом решительном и радикальном, одной из ключевых тем национального дискурса.

Комментируя эту интеллектуальную распущенность, русский философ-экзистенциалист Лев Шестов иронично писал: "Не вижу никаких оснований для человека, который хорошо знает несколько философских систем, непременно эволюционировать от одной к другой. Дозволительно, смотря по обстоятельствам, верить то в одну, то в другую. Даже в течение дня переменить две-три. Утром быть убежденным гегелианцем, днем держаться прочно Платона, а вечером… бывают такие вечера, что и в Спинозу уверуешь"[2]. С одной стороны, хочется поморщиться: ну как же так, что за беспринципная всеядность? Но тут есть и другая сторона, довольно-таки отрадная. Это примечательное свойство, на которое обращает внимание и Ричард Пайпс, раскрывая перед читателем извивы судеб Уварова, Дегаева, Тихомиро-

[2] Шестов Л. *Похвала глупости. По поводу книги Николая Бердяева "Sub specie aeternitatis"* // Н. А. Бердяев: Pro et Contra. Кн. I / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 1994. С. 202.

ва и других своих героев, при желании можно трактовать весьма и весьма позитивно. Из пластичности убеждений перечисленных и неупомянутых знаменитых соотечественников вытекает то, что в нашей стране, похоже, ничего не бывает навсегда и навечно. Сам историк говорит об этом следующее: "Законы здесь, как правило, принимались не в качестве общеобязательных предписаний, но как намерения – причем как намерения, действительные лишь на короткое время" (с. 99). А если так, то и гнетуще непоколебимый старый режим, описанный некогда Пайпсом, есть тоже фигура эфемерная, подлежащая неминуемой замене в богатом на неожиданности будущем. Американского профессора многократно упрекали в том, что он отказывает России в возможности меняться, трактуя ее в категориях вечности. Но в действительности его сочинения говорят о прямо противоположном. Старый режим на то и старый, чтобы на смену ему шло что-то еще – как это, собственно, и получилось с необратимо ушедшей царской Россией. И все работы, собранные в настоящем томе, посвящены именно этой идее.

В беседе, о которой было упомянуто в начале моего краткого рассуждения, мой визави обратил внимание на еще одно обстоятельство, на этот раз характеризующее его лично. Тексты историков-русистов, заявил он, обязательно должны публиковаться – и читаться! – по-русски, поскольку их конечным адресатом является российская аудитория. С этим невозможно спорить, поскольку даже те тезисы, с которыми

не хочется соглашаться, запускают духовную работу, посредством которой социум начинает лучше разбираться в себе. Славный Сократ, как известно, уподоблял себя оводу, время от времени покусывающему тучного, ленивого и сонного коня афинской демократии; сродни этому и миссия историка, заставляющего думать, думать и думать о пути народа, ставшего объектом его исследования. То, что с появлением этой книги в отечественный интеллектуальный оборот вводятся некоторые новые тексты, ранее неизвестные читателям Ричарда Пайпса, – явление глубоко отрадное.

Андрей Симбирцев

Знакомство с русскими: заметки иностранных путешественников о русском национальном характере

На протяжении почти всей своей истории Россия оставалась для Запада таинственным царством, отчасти европейским, отчасти азиатским. К Европе она принадлежала благодаря христианской религии, а к Азии относилась по причине своего восточного месторасположения и представляющихся восточными привычек и обыкновений. Начиная с середины XVIII века представления о России медленно менялись, и к началу Первой мировой войны ни у кого уже не оставалось ни малейших сомнений в том, что Россия – часть Европы.

Цель моего исследования заключается в том, чтобы показать, каким образом гости из Западной Европы, посещавшие Россию или проживавшие в ней, то есть люди, реально ступавшие на русскую землю, относились к ее обитателям, в чем, по их мнению, заключались особенности русской души и что, с их точки зрения, означало “быть русским”. Я не уделял большого внимания тому, как иностранцы воспринимали русскую политическую систему, ибо почти все они сходились во мнении, что Россия – это деспотия. Меня больше интересовали их представления о русской национальной культуре и особенностях русского характера, которые, как было

известно гостям, отличались и от родных для них европейских, и от знакомых им азиатских аналогов.

Исследовать эту тему непросто. В безбрежном массиве путевых заметок о России почти нет наблюдений о русском национальном характере. Как выясняется, в первую очередь путешественников интересовали иные темы. Одной из них были памятники. Мнение американских путешественников, согласно которому "Россия не запомнилась почти ничем, кроме прогулок по церквам и дворцам" [1], разделялось, с некоторыми исключениями, европейскими гостями. А вторую тему, которая их живо интересовала, составляли различные происшествия, случавшиеся во время поездки с ними лично.

Впрочем, в московский период (XVI–XVII века) у заграничных путешественников просто не оставалось иного выбора, поскольку царское правительство делало все возможное, чтобы воспрепятствовать контактам иностранцев с русскими подданными. Как только чужеземцы пересекали границу, к ним прикрепляли конвоиров, называемых приставами, чтобы те блокировали всякое общение с местным населением. А жителям России запрещалось вступать в коммуникацию с чужеземцами по собственной инициативе – за исключением обитателей приграничных городов, занимавшихся торговлей [2]. С первой трети XVI столетия все иностранцы, прибывавшие в Москву, обязаны были селиться в особом квартале, расположенном на северо-востоке города и на-

зывавшемся Немецкой слободой (термином “немцы” собирательно обозначались все европейцы). Тем самым власти обеспечивали их эффективную изоляцию. В результате, как отмечал Василий Ключевский, предметом их наблюдений оказывались царь и его двор, армия, администрация и суды, источники пополнения казны, облик страны и ее климат, почва, население, города, торговля и валюта. Национальная культура или национальный характер русских в этом списке не значились – глава “Народонаселение” в известной работе Василия Ключевского посвящена представлениям иностранцев о демографии России [3].

Положение резко изменилось после восшествия на престол Петра I, который, желая вестернизировать своих подданных, усиленно привлекал иностранцев в Россию. Со временем многие из них обосновались здесь. Согласно имеющимся данным, в 1789 году в Санкт-Петербурге проживали 32 тысячи иностранцев, что составляло 14% населения столицы [4]. Многие из них освоили русский язык и без труда общались с коренными жителями. Русская художественная литература, развитие которой в XIX веке достигло необычайных высот, знакомила читателей с особенностями русской жизни. Под воздействием упомянутых и иных факторов представления иностранцев о русском человеке, которые во времена Московского царства оставались абсолютно негативными, начали меняться в лучшую сторону. Россияне, которых некогда считали тупыми рабами, теперь в глазах на-

блюдателей представали нацией, сумевшей сберечь утраченные индустриализованным и меркантильным Западом христианские добродетели.

В ходе последующего повествования я сначала познакомлю читателя с теми западными путешественниками и резидентами, кто оставил наиболее интересные и содержательные соображения о русских, а затем проанализирую их комментарии. Итогом анализа станут представления о русском национальном характере, которые сформировались, по крайней мере, у европейцев, лично с ним соприкасавшихся.

Россия впервые обратила на себя внимание европейцев в начале XVI века, после того как Москва успешно избавилась от так называемого "татарского ига" и стала суверенной монархией. Прежде на протяжении двух с половиной веков Московское княжество и другие русские земли были малозначительными частями монгольской империи и потому не вызывали особого любопытства. Всплеск интереса во многом был обусловлен беспокойством из-за грозящего Европе вторжения турок-османов и надеждой на помощь России в противостоянии им.

Тюрки, первоначально населявшие окрестности восточносибирского озера Байкал, в начале IX века начали перебираться на запад, причем современникам казалось, что остановить их натиск невозможно. В XI веке они нанесли поражение Византии и начали расселяться по Малой Азии. К XIV

столетию была образована Османская империя, а турецкие войска двинулись на Европу. В 1365 году расположенный на Европейском континенте город Адрианополь (ныне Эдирне) стал столицей империи, и вскоре Фракия, Македония и Болгария попали под турецкое владычество. Финальным аккордом этой экспансии стал состоявшийся в 1453 году захват турками Константинополя, положивший конец Византийскому государству. В течение двух последующих столетий турки захватили большую часть Балканского полуострова, включая территорию, позже ставшую Югославией, Грецию, Румынию, Болгарию и Венгрию. Причем тогда невозможно было предсказать, до каких рубежей на западе или на севере продвинется это вторжение и не попадет ли вся Европа под турецкое господство. В конечном счете турецкий натиск был остановлен у ворот Вены в 1683 году.

Нависшая над Европой угроза, то усугублявшаяся, то отступавшая, на протяжении восьми веков играла ключевую роль в формировании самосознания европейцев. Первоначально они воспринимали свой континент как "христианское царство", но постепенно на смену пришла концепция Европы [5]. Папа Пий II (Энеа Сильвио Пикколомини, 1405–1464), на понтификат которого пришлось падение Константинополя, всеми силами предостерегал от османской опасности. Он также стал первым автором, использовавшим слово "Европа" в заглавии книги [6]. По словам современного историка, "именно в столкновении с неевропейскими народа-

ми и противостоянии османской экспансии вокруг идеи Европы начала складываться специфически европейская идентичность" [7]. Из географического понятия Европа превращалась в культурный концепт, которым она остается и сегодня.

Первым автором, предоставившим европейцам обстоятельный отчет о России, был Сигизмунд Фрейер фон Герберштейн (1486–1566), австрийский дипломат, автор "Записок о московитских делах" *("Rerum Moscoviticarum Commentarii"),* впервые опубликованных в Вене в 1549 году. Позже эта работа несколько раз переиздавалась на латинском и немецком, дважды на итальянском и чешском и по одному разу на польском, английском и голландском. Будучи уроженцем Словении, Герберштейн имел представление о славянских языках. Он посетил Москву дважды: в 1517 году как посол императора Максимилиана, а затем, в 1526 году, в качестве посла австрийского герцога Фердинанда. Обе поездки были связаны с организацией переговоров о перемирии между Россией и Литвой, в то время воевавших друг с другом. Его книга претендовала на энциклопедическое освещение тем, охватывающих историю, географию и религию страны, а также принятую в ней форму правления. Герберштейн обращал особое внимание на тираническую природу царской власти и раболепство подданных царя. Он почти ничего не говорил о ее народе, а то немногое, что было сказано, имело негативный характер: "Московиты гораздо более склонны к жульничеству и обману, чем иные окружающие их

народы… Эти люди по натуре своей более ценят свои оковы, нежели свободу… Говорят, что обитатели Москвы гораздо коварнее и хитрее прочих народов, причем свое слово они не держат никогда” [8].

Столь же бесцеремонные высказывания иностранных путешественников о русских звучали и воспроизводились до тех пор, пока на престол не взошел Петр Великий. Например, в географические заметки англичанина Энтони Дженкинсона (1529–1610/11), который по делам основанной лондонскими купцами Московской компании в середине XVI века неоднократно посещал Россию, вставлены следующие строки о русских: “Когда пируют, то употребляют чрезвычайно много кушаний и напитков и наслаждаются едой грубых блюд и вонючей рыбы… Пить – приятнейшее для них дело. Они болтуны и великие лжецы, без всякого правдоподобия в своих словах, льстецы и лицемеры” [9].

Труд Герберштейна доминировал среди работ о России на протяжении столетия. На смену ему пришла книга Адама Олеария (Ольшлегеля) (1603–1671), немецкого ученого, неоднократно приезжавшего в Московию в составе различных посольств. Его “Описание путешествия в Московию и Персию”, впервые изданное в Германии в 1647 году, стало, подобно трактату Герберштейна, бестселлером и выдержало пять немецких и пять голландских изданий, четыре французских и по одному английскому и итальянскому [10]. Отча-

сти успех книги объяснялся богатыми и оригинальными иллюстрациями, а также пространными (хотя и весьма предвзятыми) описаниями русских, которым авторы прежних путевых заметок почти не уделяли внимания.

Олеарий родился в Германии в семье портного. Он жил в княжестве Шлезвиг-Гольштейн, правитель которого князь Фридрих III лелеял план превратить основанный им город Фридрихштадт в центр торговли шелком. Реализуя этот замысел, он в 1633 году снарядил посольство в Персию, к которому в качестве секретаря был приписан Олеарий. Власти поручили ему собирать информацию о посещаемых странах. Посольство проследовало через Новгород в Москву: в те времена путь в Китай и Персию пролегал через Россию, – где в конце 1634 года был заключен договор, с которым оно и вернулось в Шлезвиг-Гольштейн. В октябре следующего года посольство повторило визит в Персию через Москву по Волге.

Работы Герберштейна и Олеария, вне всякого сомнения, являются наиболее значительными и популярными очерками о Московии. Тем не менее немецкий ученый Фридрих фон Аделунг в 1840-х годах подсчитал, что до 1700-го на Западе было опубликовано 266 очерков о Московии [11].

Кроме дипломатов Московию посещали и купцы. Англичане почти ничего не знали о России вплоть до середины XVI века, когда они занялись поисками северного морского пути в Китай. Тогда-то они, вполне случайно, и "откры-

ли” Московию. Завидуя богатству, которое испанцы и португальцы стяжали благодаря своей внешней торговле, англичане снарядили три судна, которым было предписано найти новый морской маршрут в Китай. У северной оконечности Норвегии начавшаяся в 1553 году экспедиция попала в ужасный шторм. Два корабля под командованием сэра Хьюго Уиллоби пристали к берегам Лапландии, где их команды в конце концов погибли от холода. Третий корабль, “Эдуард Бонавентура”, которым командовал Ричард Чанселлор, продолжил плавание на восток, пока не подошел к устью Северной Двины. Из оставленного капитаном описания последующих событий следует, что он сделал вид, будто у него есть подарки для русского правителя [12]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.